

Под звездами Александрии

Повесть "Под Звездами Александрии" рассказывает о величайшей женщине из посвященных древнего мира. Многие считали ее ярчайшей звездой в созвездии неоплатоников и наиболее впечатляющей фигурой в александрийской философии. Занимая место философа, до нее занятое ее отцом Феоном Математиком, бессмертная Гипатия была долгое время центральной фигурой Александрийской школы неоплатонизма. Прославленная глубиной своих знаний и очаровательной внешностью, любимая гражданами Александрии, часто дававшая советы отцам города, эта знаменитая женщина выделяется на фоне интеллектуальных и этических стандартов своего времени как величайший из языческих мучеников.

*В пустыне города не виден Твой наряд, и синий плащ,
Сокрывший мудрость знания в себе
Когда-то мощных сил Александрии, погас во мраке серых стен.
Но за грядой обыденности праздной, за суетой иллюзии и тлена
Я различаю Твой Великий Облик на колеснице вещей струн.
Куда спешит твой ярый конь?
Куда летит Твой взгляд, наполненный огнем Великого Познания,
Гипатия, пророчица Любви?!
Тебе я гимны вечности слагаю.*

Глава I. АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА

Александрия — центральный город Северного Египта, прославленный своей великолепной библиотекой и философскими умами Академии Неоплатоников, давно привлекал мое внимание. И вот я, наконец, сделал свой выбор между Афинами, где провел юность, и городом великих Мастеров. Туда, словно птица, устремился мой дух, томимый жаждой познания Света неугасимой Истины, Истины, которая пролита в каждой Религии и в то же время сияет во всем, как Солнце над разными странами мира... Двадцати четырех лет от роду я сел на корабль отца и отправился в путь.

Вот уже несколько столетий Александрия была великим престолом учености и философии. В библиотеке, созданной Птолемеем Сотером, хранилось около семи сотен тысяч наиболее ценных книг, написанных на пергаменте, папирусе, воске, а также на терракотовых табличках, камне и дереве. Они были собраны со всех частей древнего мира и размещены в специально построенном здании. Всем сердцем я желал прикоснуться к этому волшебному хранилищу знаний и мудрости. Здесь же был создан музей и первая подлинная Академия Наук и Искусств с ее знаменитыми астрономами, физиками, анатомами, врачами, музыкантами и художниками.

Войдя под белые портики Александрийской школы, я сразу же отыскал своего друга Пергама, который провел меня в просторный зал.

— Сейчас ты увидишь удивительную женщину, она разбирается во многих науках не меньше, чем самые уважаемые философы. Ее имя Гипатия, это дочь славного математика Феона и уже сейчас центральная фигура нашей школы. Она затмила в спорах и диспутах всех проповедников христианских доктрин Северного Египта!

Круглый зал, отполированный до блеска, ослепил меня. Белые колонны и мраморные статуи языческих Богов поднимались ввысь к застекленному куполу большого зала Академии, сквозь который лились мириады солнечных лучей. В центре сидела она — женщина-философ. Ее взгляд сразу же приковал мое внимание. В какой-то миг мне показалось, что сама Богиня Мудрости сошла с одного из мраморных пьедесталов, чтобы посвятить людей в тайны знания.

Окруженная многочисленными слушателями разных национальностей, эта женщина, казалось, была соткана из лучей музыки и света. Каждое ее слово несло в себе вибрацию совершенства. Я замер, опьяненный мелодикой ее голоса: словно бы все тайны вещей раскрылись во мне самом при взаимодействии с ее внутренней силой.

Пергам обернулся:

— Что скажешь, Полисфен?

— Я потрясен. Сколько ей лет?

— Тридцать семь.

— Она так молода, красива и так мудра! Неужели передо мной земная женщина?

— После лекции я познакомлю вас, и ты убедишься, что Гипатия не призрак.

Я ждал этой минуты с благоговением и внутренним трепетом. Неужели я смогу находиться рядом с ней, и она снизойдет до жалкого смертного, не стоящего и мизинца на ее царственной руке?

Я был в нерешительности, и все же какая-то непреодолимая сила влекла меня к ней, заставляя забыть обо всем на свете.

Шум голосов, усилившийся после выступления дочери математика Феона, словно бы растаял, и я видел только грациозную фигуру, тонкие изгибы голубой ткани и серебристый узор на длинных, красиво уложенных волосах.

Пергам что-то сказал Гипатии, и она обернулась ко мне, приветливо кивнув. Не помню, как оказался с ней рядом, вежливо отвечая на вопросы, как провожал взглядом ее удаляющуюся колесницу, которую словно бы несли по воздуху крылатые белые кони.

Глава II. ДОМ ДВЕНАДЦАТИ МУЗ

— Полисфен, проснись! Полисфен! — услышал я радостный голос своего друга. — Сегодня после полудня мы приглашены на философский диспут к Гипатии.

Я открыл глаза. Утреннее солнце слепило, отражаясь в золотых курильницах с головами львов. Сквозь открытые окна в комнату проникали терпкие запахи растений, смешиваясь с ароматами масел, которые Пергам использовал в своей врачебной практике. Неужели я в Александрии и берега благословенного Нила приветствуют меня в рождении нового дня? Лицо Гипатии вспыхнуло передо мной, точно пламя свечи.

Искупавшись в прохладной воде мраморного бассейна, я ощутил бодрость. Белая туника с серебристым орнаментом приятно облегла тело. Я подкрепился оставленной рабыней едой: фруктами и молодым красным вином, которые напоминали мне пиры благословенной Греции. Тем временем мысль моя была поглощена только обликом женщины-философа, который я рассматривал с разных сторон, точно хрустальную пирамиду, не имеющую изъяна в своих совершенных правильных гранях.

Глава III. ДИСПУТ

Когда все приглашенные, усевшись полукрутом, расположились в зале Академии, Гипатия начала диспут:

— Приветствую вас, собравшиеся ради любви к Музе Знания! Пусть Истина осветит наши сердца. И если мы, жаждущие справедливости, поймем сегодня больше, чем вчера, значит этот день не прошел для нас даром. Конечная цель всякого диспута есть нахождение верных путей, и потому начнем наш сегодняшний разговор в мирном тоне без перебранок вчерашнего дня...

Я не знал, о чем идет речь, и глянул на Пергама.

Мой друг шепнул:

— Гипатия часто приглашает на диспуты самых ярых врагов, чтобы обратить их в друзей.

И тут заговорил один из христиан:

— Согласен с тобой, ученая Гипатия. Однако пути наших верований часто расходятся. Мы говорим — Бог един, вы утверждаете множественность Богов. Как же тогда можно примирить христианство и язычество?

— Здесь нет противоречий, уважаемый Эмпидар, — снова заговорила женщина-философ. — Да, Бог как Универсальный Разум, в котором все мы пребываем, действительно ЕДИН, ибо Вселенная представляет собой ЕГО мысленный образ, в котором мы движемся и существуем, как атомы одного организма.

В то же время существует целая Иерархия Богов, и Разум Их стоит на более высокой ступени, чем наш. Небесную систему управления можно сравнить с системой политического управления на земном плане, где Иерарх правит вместе со своими помощниками: царь со жрецами, император с сенатом, вождь со старейшинами. Это подтверждает Космический Закон Аналогий: как верху, так и внизу, как внизу, так и верху.

Что же касается Религий, то все они так же Едины, как един в корне общий язык, который включает в себе одни и те же понятия, несмотря на разное их словесное выражение.

— Отчего же тогда вражда и ненависть заставляют сражаться христиан и язычников? — выкрикнул один из присутствующих.

— Не Боги дали нам несовершенства, но мы сами породили их своими мыслями и деяниями, — ответила ученица Плутарха. — Зороастр, Гермес, Иисус — эти высочайшие индивидуальности пришли на Землю, чтобы объединять, а не для того, чтобы сеять раздор. Непримиримость никогда не была основой их Учений, но лишь Любовь. Солнце, льющее свои лучи на Землю, не может светить только одним и скрывать свой свет для других, так же и лучи разных религий ведут к одному универсальному Источнику.

Когда человек смотрит на белое и называет его черным, это вина только его самого. Люди привыкли к фальшивым звукам, и их ухо уже не воспринимает всего настоящего, истинного. Поэтому нам надо приложить усилия, чтобы вернуть утраченное единство, о котором все забыли.

И тут из круга выступил купец. Поглаживая густую черную бороду, он печально сказал:

— Могу ли я задать вопрос жрице знания?

Гипатия утвердительно кивнула.

— Мой караван ехал много дней и ночей. Жажда настигла нас, и от нехватки воды умерло много верблюдов и людей. Почему Господь допустил, чтобы сын мой умер во цвете лет? Где же Его любовь, если мальчик уже не откроет глаз? Где его справедливость? И почему один страдает всю жизнь, а другой счастлив, красив и богат? Как объяснишь ты мне это, женщина, которая надела синий плащ философа?

— Нет причины без следствия, как и нет следствия без причины, — ответила дочь математика Феона. — Все деяния человека создают для него то или иное будущее в зависимости от поступков прошлого.

Настоящее существование — лишь следствие, порожденное старой причиной...

Приведу тебе отрывок из книги восточного философа Каридаха, которого мать спросила о смерти единственного сына: «Причины смерти в столь юном возрасте бывают разными. Но сын твой умер потому, что в прошлой жизни, когда он жил в Индии, убил человека. И вот возмездие пришло к нему теперь. Законы высшие не подлежат обману».

Так и сын твой в прошлом мог совершить какие-то поступки, за которые понес наказание в этой жизни...

Слушая речи Гипатии, я был поражен, как мягко и дружелюбно, с каким знанием законов природы и общества эта молодая женщина отвечала своим оппонентам, защищая Истину от посягательств.

Ее универсальная природа проявлялась не только в знании различных наук — математики, астрономии, физики, медицины, философии, но и всевозможных видов искусства. После недолгого времени, проведенного рядом с ней, мне показалось, что раньше я был просто слеп, так сильны были лучи ее внутренней природы.

Глава IV. ДРЕВНИЕ МАНУСКРИПТЫ

В эту ночь я долго не мог уснуть, а утром направился в библиотеку Академии. Тысячи книг окружили меня, словно ораторы, ученые и святые всех эпох и времен, протягивая нить познания вечной неумирающей Истины. Я изучал каждый папирус с таким удивительным чувством, как будто слова этих книг исходили из уст самой дочери Феона, которую я полюбил в первый миг нашей встречи.

Все земные женщины померкли перед ее умом и красотой, словно тени на каменной стене гробницы Фараона. Гипатия же несла в себе драгоценные лучи уснувших династий посланцев великого Ра. Да и сама она была сияющей, как Солнце.

Много времени провел я в библиотеке, ощущая великое наслаждение от прочитанного. Мне казалось, что от этих древних манускриптов в мое сердце текут знания всего мира, словно наполняя его Чашу Священным Нектаром.

Здесь, в Александрийской библиотеке, я написал следующие строки:

Как часто среди ночных таинственных видений

Я проникал в жемчужину любви —

Мой дух срывался, как крылатый гений,

На вихрях струн взорвавшейся крови.

И я летел к тебе сквозь непогоду:

Порывы ветра, вихри и туман...

Я знал одно — Твой синий плащ познания

Дороже мне, чем все богатства мира.

Находясь в этом хранилище безграничных знаний, я вдруг почувствовал, что мое сознание словно бы покидает тело и, склонившись над манускриптом, уснул.

Я увидел себя стоящим на большой улице, скудно и убого застроенной — ни дворцов, ни статуй, ни парков; меня окружали серые квадратные дома, потухшие лица. Какие-то металлические колесницы без лошадей страшно гудели, дымили и проносились по дороге мимо меня. Я оцепенел; но вдруг посреди грязной мостовой увидел Гипатию, одетую в белое платье. Она шла ко мне.

— Не пугайся, Полисфен, — услышал я ее нежный и заботливый голос.
— То, что ты видишь, не сон, но наше далекое будущее. Знай, Александрия — лишь временное пристанище, из которого ты должен вынести тот незабываемый опыт, что соединит нас в следующих жизнях.

Я оглянулся: туман густо стлался по земле, моросил дождь. Тяжкое томление охватило мою душу, и я сказал:

— Этот мир мне кажется ужасным. Неужели красота Александрии померкнет и умрет?

— Все разрушает время, но вечные ценности нетленны. Запомни это, Полисфен. Запомни навсегда...

Я очнулся с четким ощущением того, что был где-то в другой далекой стране, которая не знала о Духе, Красоте, Гармонии и Единстве, стране, которая утратила все, кроме людей великой Жертвы, что всегда будут нести в своих сердцах неугасимый факел любви.

Взяв палочку, я написал на пергаменте строки, которые возникли в моем сознании там, в мире каменных однообразных построек, серых улиц и гула металлических колесниц, не запряженных лошадьми:

Как я скучал, как тосковал я по тебе, моя Александрия!

Блистал, как солнце, Северный Египет —

Столица знание несла и мощь высокого искусства.

Великолепный зал, где встретил я Тебя впервые,

Вознес меня к подножию языческих Богов,

Где диспуты, как солнечный бальзам,

Меня налили мощной силой познания тайных слов.

При виде лика Твоего я позабыл,

Что значила любовь ко всем, кого любил я ране —

Она была лишь тусклой тенью,

Но Ты дала мне мощь Любви, Софии сердце открывая.

Я вышел из зала библиотеки и оказался на шумной улице города. Мне казалось, что все это лишь сон. Настоящая жизнь была для меня только в Святилище Знаний — среди манускриптов и папирусов, или же в лектории, где читала свои лекции Она.

Когда я подходил к залу, чтобы увидеть и услышать дочь математика Феона, мое сердце всякий раз едва не выпрыгивало из груди. Я любил ее, любил всем сердцем, всей душой. Я чувствовал, что даже мог бы умереть за нее, отдав ей самое ценное, что у меня было — свою жизнь.

Глава V. ИСТИНА, РАЗЛИТАЯ ВО ВСЕМ...

Гонимый неуголимой жаждой увидеть Гипатию, я приблизился к ее дому. Было темно, лишь звезды освещали высокую каменную террасу, на которой я разглядел женский силуэт. Обхватив руками мраморную колонну, я замер, едва успокаивая колотившееся сердце. Я чувствовал, что Гипатия и есть цель моего путешествия из Афин в Александрию. Но как я, простой смертный, мог просить обучить меня знанию, которым владела она? Как мог я приблизиться к ней и сказать о своей любви?

И тут с террасы слышались звуки какого-то удивительного музыкального инструмента, словно муза любви играла на тонких серебряных струнах. Мелодия глубоко потрясла мою душу, поднимая колокольчики систрума к звездным берегам тайных мистерий. В какой-то миг мне показалось, что я иду по темному коридору с лампадой, а в самом конце, излучая свет тысяч свечей, передо мной простирается ее синий плащ познания. И тут я понял, что недостойн быть учеником Гипатии, что я ничтожен и жалок по сравнению с ее духовным величием и силой настоящего мыслителя. Сердце мое сжалось, и я побежал по темным улицам Александрии, не отдавая себе отчета, куда и зачем...

Я остановился возле маленького кабачка, в котором еще горел свет. Войдя внутрь, я перевел дыхание и сел за стол. Тут же ко мне подошла девушка с серебряным кубком вина и большим куском сыра на подносе. Я бросил ей несколько монет и отпил из чаши, утоляя сильную жажду. Какое-то время я пытался понять, что же произошло со мной несколько минут назад. Глядя на лампаду, я увидел в пламени красивый женский силуэт, играющий на музыкальном инструменте. Образ Гипатии рождал во мне столько новых мыслей, чувств, переживаний... Мне казалось, что от соприкосновения с ее душой я начинаю видеть мир по-другому — во всей его многогранности, величии и красе.

Рабыня поднесла мне еще вина, и я прочел в ее глазах то, о чем она, наверное, и не догадывалась, чего не знала о себе. Я прочел в них Бессмертие. Отныне я буду видеть его во всех и во всем до последнего мига моей жизни...

Глава VI. ВЕЛЕНИЕ СУДЬБЫ

И вот в один прекрасный день произошло событие, которое определило всю мою дальнейшую жизнь. Судьба соединила меня с Богами, чтобы я смог превратить свое тело — глиняный сосуд невежества и незнания — в прозрачную чашу, из которой я отопью алмазный нектар сокровенного знания.

Это произошло в день Юпитера и час Венеры. Улицы были полны гомона и смеха. На великолепных колесницах проезжали богатые граждане столицы, на рыночной площади красовались всевозможные плоды, притягивая взгляды нищих ребятишек. Постояв под сенью дерева, я направился к зданию Академии, которая неодолимо влекла меня.

Недалеко от Александрийской Школы я увидел колесницу Гипатии. Приветствуя ученую, я почтительно прижал правую руку к сердцу. Кони заржали и остановились; молодая женщина царственным жестом пригласила меня сесть рядом с ней. Едва я успел взойти на колесницу, как лошади быстро понесли нас по кипарисовой аллее к ее дому.

Глава VII. ПИФИЯ И ТРЕНОЖНИК

Дом Гипатии был украшен мраморными скульптурами Богов, которые возвышались в глубоких нишах. Теперь я мог хорошо разглядеть его убранство. Возле изваяния Гермеса стоял жертвенный треножник и многочисленные лампы, наполненные ароматизированным маслом, горели днем и ночью. У меня возникло ощущение, что я попал в Храм, а не в жилище смертного человека.

— Присаживайся, Полисфен, — сказала мне хозяйка дома, указывая на мягкий криний. — Как поживает твой друг Пергам? Отчего он не приходит на лекции?

— Вчера он отбыл на корабле в Афины.

Гипатия подошла к какому-то прибору, стоявшему на столе.

— Тебе знакома астролябия?

— Я слышал о ней, но не знаю, как ею пользоваться.

— Это прибор для измерения высоты звезд. Синезий, епископ Птолемея, просил моей помощи в конструировании его. Пергам хороший астролог и мог бы мне помочь, но ты говоришь, что он уплыл в Афины...

— Я бы рад оказать тебе помощь, почтенная Гипатия, но наука звезд для меня — неразгаданная тайна. Еще в детстве, лежа на палубе корабля, я всякий раз устремлял взор на ночное небо, и тогда мне казалось, что глаза невидимых волшебников смотрят на меня..., скажи, в чем тайна звезд?

— На одном из диспутов мы говорили о целостности мироздания и о том, что Вселенная — это мысль Творца, в которой мы пребываем. В мире все связано между собой, и каждая планета влияет на другое небесное тело. Звездная карта человека представляет собою как бы пластину с нанесенными на нее лучами других светил. Это фиксированный результат его предшествовавших жизней.

В астрологии нет случайностей, и все события происходят в строгих рамках космических закономерностей.

При помощи астрологии можно определить воздействие небесных тел на земные дела, и по расположению звезд предсказать грядущие события. Постигая это искусство, я проводила сложные астрологические вычисления, которым научил меня мой отец. Ты хочешь узнать тайны этой науки?

— Я не смел об этом даже помыслить. Недостойный смертный, разве могу я стать твоим учеником?

Дочь Феона взглянула на меня с улыбкой.

— Встречи людей предопределены светилами. Скажи, Полисфен, когда ты впервые увидел меня, испытал ли ты внутренний трепет, словно бы уже знал ранее?

Я смутился и покраснел. У меня было такое ощущение, что эта женщина видит меня насквозь со всеми чувствами и мыслями.

— Да, я был сильно потрясен нашей встречей.

Гипатия кивнула.

— Ты многое забыл, Полисфен, из того, что когда-то знал твой дух.

— Откуда же тебе известно это?

— Многие годы я посвятила изучению сокровенных текстов разных религий, знание математики помогло мне в овладении наукой звезд, а постоянное устремление к Высшему миру пробудило сердце.

Я узнала тебя с первого взгляда, Полисфен, и даже увидела картины будущего, например, эту сцену: ты стоишь возле треножника Гермеса, а я — возле этих астрологических таблиц. Кроме того, оракул предсказал мне, что один из моих учеников явится на корабле из Афин...

Наступил вечер, и мы вышли на залитую синим светом террасу дома. На небе уже в который раз зажглись звезды, но для меня они словно впервые воскресли, охватив душу неземным трепетом — будто лепестки розы раскрывались в сердце, излучая аромат духа. Гипатия показывала мне созвездия, рассказывая о них древние легенды.

Когда мы вернулись в дом, было уже очень темно; лампы возле статуи Гермеса разливали по комнате удивительные ароматы масел.

— Присядь и закрой глаза, — обратилась ко мне женщина-философ. — А теперь опиши мне, что ты сейчас чувствуешь. Не торопись говорить. Попробай внимательно смотреть в глубины своего духа...

Я закрыл глаза и ощутил в сердце вспышку света, которая вскоре преобразилась в очертания другого мира. Это был Храм, возвышающийся на берегу моря. Лучи восходящего солнца только что позолотили его пилоны, украшенные резными надписями. Остановившись неподалеку, я услышал прекрасную музыку, которая доносилась из глубин Святилища. Музыка была завораживающе-волшебной, она увлекала в тайну НЕИЗРЕЧЕННОГО, наполняя сердце лучами красоты. Никогда в жизни я не слышал ничего подобного.

Привычная музыка пиров и веселья совершенно отличалась от этих магических звуков. Серебряные раскатистые колокольчики систрума поднимались ввысь, разбегались в разные стороны, одухотворяя ум и сердце жаждой нового знания. В глубине души я испытал сильное потрясение, которое не могло сравниться ни с чем земным, и я замер, вслушиваясь в тайные голоса мелодий этого Святилища. Что-то магическое притягивало меня к нему, и с каждым шагом я чувствовал в душе невыразимый трепет.

И вот я вошел в святиню Духа. На стенах были изображены двенадцать знаков Зодиака, в центре горел Огонь. В глубине зала я услышал голоса, и, встав за колону, увидел Жреца в золотом наряде, а рядом девушку в белой тонкой одежде. Ее лицо, озаренное внутренним светом, было обращено к Учителю. Жрец посвящал ее в таинства Вечности. Словно замороженный, слушал я его мелодичный голос, погружающий в глубины сокровенного знания.

Я не мог двинуться с места, я замер, как Сфинкс у входа в Пирамиду Мистерий. Но вот Жрец вышел из зала, а девушка обернулась в мою сторону, но не увидела меня, несчастного смертного, сердце которого стучало, как гром. Я был потрясен. Я понял, что присутствовал на каком-то священнодействии и изменился сам.

Глава VIII. ТАЙНЫЙ ЛАРЕЦ

Когда я очнулся, то понял, что находился все время в доме Гипатии. Дочь математика Феона сидела напротив меня с закрытыми глазами, но через секунду тоже пришла в себя.

— Где была твоя душа, Полисфен? — спросила она мягким голосом.

Я не знал, что ответить, но мой язык вдруг сам произнес:

— В Фиванском Святилище много веков назад. Та девушка, которая стояла возле Жреца... Мне показалось, что ты очень похожа на нее.

— Ты прав: это одно из моих воплощений. Еще в колыбели сокровенного Египта я познала многие тайны Космоса. И ты, Полисфен, ты тоже был там. Сейчас наступило время вспомнить все. Но для этого нужно учиться.

— Я с радостью стану твоим учеником, тем более что вести меня в Страну Сокровенного Знания будет самая удивительная женщина в Александрии.

Дочь Феона бросила на меня проницательный взгляд и, подойдя к шкафчику из сандалового дерева, достала из него небольшой ларец. Когда Гипатия открыла его, я увидел на бархатной голубой ткани большой сердцеобразный камень, а рядом кольцо.

— Возьми его, Полисфен, оно твое, — и она надела мне его на палец. — Это кольцо ученичества. Оно принадлежало тебе в прошлых жизнях и поэтому с гармонизировано с энергией своего владельца. Перстень обладает уникальными свойствами: цвет камня меняется в зависимости от приближающихся событий. Черный, оранжевый и красный предупредят об опасности; синий, фиолетовый, серебряный и голубой дадут знаки добрые. В будущем ты сам сумеешь читать письма пространства.

— Но как же происходит такое изменение цвета? — спросил я.

— Кристалл психической энергии обладает свойствами магнита. Из пространства он привлекает тонкие образования материи.

Излучения грядущих волн окружают человека и окрашивают своим химизмом приближающиеся частицы энергии.

Глядя на перстень, я задумался. Его оправка была искусно сделана, а камень словно бы светился изнутри. Кроме того, кольцо излучало какую-то могучую энергию, так как я сразу же ощутил сильное покалывание в кончиках пальцев. И еще одно явление удивило меня: когда Гипатия надела мне перстень на руку, я ощутил сильное сердцебиение и в то же время увидел, что его камень вспыхнул сапфировым светом, точно драгоценное семя, из которого вырастает древо служения мира. Этот мыслеобраз я уловил над нами тотчас же, словно и она, и я мгновенно перенеслись под огромную раскидистую крону, и каждая ветвь сияла над нами пурпурным плодом сокровенного знания Вечности.

Стрела Красоты пронзила мое сердце. В лучах радужного блеска во всем величии своей тонкой надземной природы стояла моя наставница, которую я бесконечно любил. Преклонив колена, я поцеловал край одежды дочери славного математика Феона и сказал:

— Отныне я отдаю тебе свое сердце, как и в далеком прошлом, когда пил молоко Великой Изиды.

Гипатия коснулась моего лба со словами:

— Служение Истине пусть озарит твой путь.

Глава IX. АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ЕПИСКОП

Много дней провел я в Святилище дома Гипатии, овладевая тайным знанием и обучаясь искусству астрологии и алхимии. Я научился составлять и трактовать гороскопы, познал, как собираются лучи звезд в разные сосуды и какую пользу из этого можно извлечь. Каждый день в рассветный и закатный час я беседовал с Гипатией, писал под ее диктовку, читал ей вслух, а утром ехал с ней в Александрийскую Академию.

Жизнь там была ключом: собирались ученые, философы, живописцы, поэты и музыканты. Гармония, охватившая меня в этом Институте Красоты и Знания, была самым лучшим временем моей жизни, а Гипатия — моей путеводной звездой. Во всех прозрачных сосудах, которые я наполнял разноцветной водой и ставил в предрассветный час на террасе солярия, я видел ее облик; во всех астрологических и медицинских формулах ощущал ее дух. И каждый день я чувствовал себя рожденным заново.

Однако та миролюбивая атмосфера, которая царила в Академии, постепенно начала нарушаться недовольными отзывами о Гипатии последователей александрийского епископа Кирилла, который обвинял женщину-философа в том, что она мешает распространению христианской веры. Пытаясь рассеять напряжение и непонимание, дочь математика Феона пригласила епископа на один из диспутов.

В круглом зале Академии собралось около двухсот человек — христиане и язычники. Гипатия миролюбиво улыбнулась епископу, а тот только холодно кивнул в ответ. Я был поражен. Как можно было смотреть на эту удивительную женщину со столь явным презрением?! Я не понимал, как можно не любить, не боготворить, не преклоняться перед ее красотой, грациозностью, умом и блестящим дарованием оратора. Не проявив ни малейшего недовольства, ученая мягко сказала: — Приветствую вас, собравшиеся ради любви к Музе Знания! Пусть Истина осветит наши сердца.

И если мы, жаждущие справедливости, пойдем сегодня больше, чем вчера, значит этот день не прошел для нас даром. Конечная цель всякого диспута есть нахождение верных путей, и потому начнем наш сегодняшний разговор в мирном тоне без перебранок вчерашнего дня...

Эта удивительная формула, которую наставница произносила в начале каждого диспута, действовала на всех магическим образом — смягчала напряжение, успокаивая перекрещивающиеся токи, создавала атмосферу благожелательства и терпимости.

Епископ нахмурился и обратился к Гипатии так:

— Я знаю, что ты обладаешь большими познаниями, что тебя уважают граждане Александрии и отцы города, что многие последователи христианской веры из яростных врагов язычества стали твоими близкими друзьями. Ты затмила на своих диспутах всех проповедников христианских доктрин в Северном Египте. Откуда черпаешь ты столь большую мощь, о женщина?

— Я черпаю ее из сердца, из любви, которая обитает в Святилище Духа, из терпимости, побеждающей всякую ярость. Я черпаю ее из родников блаженства, что процветают в глубинах мысли Бога... Оттуда, я беру ПОЗНАНИЕ и МУДРОСТЬ.

Епископ побледнел:

— Ты волшебница, вступившая в стовор с дьяволом. Поэтому язык твой не превзойдён и истины кажутся неоспоримыми. Ты очаровываешь всех своими колдовскими способностями... Я не буду дискутировать с тобой.

Толпа христиан зашумела. В рядах язычников прокатился ропот.

— Успокойтесь, — мирно сказала женщина-философ всем присутствующим, — успокойтесь и не поддавайтесь воздействию невежества. Когда Истина может себя защитить, зло не терпит этого. Оно разгорается в костер братоубийственных войн... Но разве мы, собравшиеся здесь, люди разных вероисповеданий и национальностей, разве не являемся все мы частицами Одного Целого? Мир ЕДИН.

Истина ЕДИНА, а все мы — атомы одного могучего организма Вселенной. Все мы — братья и сестры...

— Это ересь, — сказал епископ, — а ваша Академия — рассадник самого опасного вольнодумства. Однако меня ты не обманешь, ученая Гипатия, и я не попадусь в твои сети.

Глава X. НОЧЬЮ

Вечером, когда мы занимались астрологией, неожиданно прибыл Пергам. Он был очень взволнован; лицо его было бледно.

— Епископ Кирилл замышляет войну между христианами и язычниками. Александрия может быть залита потоками крови, а так как центром вольнодумства христиане считают Академию, то главные нападки могут быть направлены на нее.

Гипатия задумалась.

— У нас еще есть время. Мы не можем смотреть, как льется кровь. За это время мы с Полисфеном подготовили несколько важных книг. Одна из них — о Единстве Религий. Мы отдадим их переписчикам, и в скором времени они разойдутся не только в Александрии, но и во всем Северном Египте.

— Но для этого нужно много денег, — сказал Пергам.

— Мы найдем деньги, — утвердительно сказала Гипатия, — а если не найдем, то тогда...

Я прочел в ее взгляде: «Тогда мы их сделаем сами».

Глава XI. АЛХИМИЯ ДУХА

Мы работали с ней всю ночь — химические растворы были составлены по строгим формулам, множество колб дышали жаром, золотые саламандры из темноты взирали на нас, готовые открыть последнюю Тайну. И среди напряжения воли я не переставал видеть сосредоточенный в глубинах духа взгляд Гипатии, которому должна была подчиниться земная материя.

— Только человеку дана мощь повелевать стихиями, — сказала моя наставница. — В древних Мистериях учили: для того, чтобы стать господином над стихийными духами, заклинающий их маг сам не должен бояться элементов. Тот, кто боится огня, не может управлять саламандрами, которые там обитают. Тот, кто боится воды, никогда не может стать повелителем ундин, водяных духов. Поэтому многие ритуалы языческих Мистерий имеют дело с различными элементами. В инициациях земли кандидат скитался по мрачным пещерам, в инициациях воды он переплывал в открытой лодке таинственное море или же стремнину с водоворотами. В инициациях огня он прыгал через кольцо языков пламени или дыма, а в инициациях воздуха испытуемый подвешивался за кольцо над пропастью или же карабкался по узкой тропе над гибельной кручей. Утверждалось также, что никто из тех, в ком не было обнаружено добродетельных свойств элементов, не смог бы управлять стихийными духами. Те, кто не может обуздать свои страсти, становятся игрушкой саламандр, а те, кто проявляет стяжательство, не смогут управлять гномами, которые подчиняются только тем, в ком отсутствует эгоизм. Гномы управляемы щедростью, ундины — твердостью, саламандры — спокойствием, эльфы — постоянством.

В прошлых жизнях мы прошли с тобой эти испытания, Полисфен. И теперь наш час настал.

Гипатия взяла сосуд с кипящей жидкостью, и сквозь его стекло я увидел лица стихийных духов, которые помогали нам в работе.

Глубокой ночью наши опыты были в самом разгаре.

— Не расслабляйся, Полисфен, — твердо сказала мне Гипатия. — Я вижу, что ты устал, но нам осталось совсем немного. Алхимическая формула, доступная лишь воле чистых душ, может осуществиться только при тесном взаимодействии двух Начал — Женского и Мужского. Я и ты, только вместе мы сможем найти Философский Камень.

Поздно вечером на шестнадцатый день наших опытов, широко раскрыв глаза, я увидел, как из тигля в огнеупорный сосуд переливается золотая горячая масса. Свинец перестал быть свинцом, облагородившись в горниле трансформации в огненный металл Льва — металл Солнечной Иерархии. Завтра слуга отнесет это золото переписчикам, и вскоре Северный Египет наполнится книгами, над которыми мы работали несколько лет.

Гипатия обессилено прилегла на мягкий криний, а я остался стоять у стола с колбами и ретортами. Пламя лампад бросало яркие отсветы на фигуру этой удивительной женщины, которую вот уже три года я немо обожал. Я видел в ней сияние жрицы и в то же время простоту и чистосердечие. Веки ее были прикрыты, и темные волосы обрамляли удивительной красоты лицо. Я прикоснулся к огненной реторте, и сердце мое бешено заколотилось.

Гипатия открыла глаза.

— Ты счастлив, Полисфен?

— Чаша моего счастья полна до краев, ведь я обладаю самым ценным, что может быть у человека — ЛЮБОВЬЮ и ЗНАНИЕМ.

Она утвердительно кивнула.

— Я тоже полюбила тебя, Полисфен, и хочу, чтобы ты это знал. Ты лучший из всех моих учеников. И мне жаль, что мы так скоро должны расстаться.

— О чем ты говоришь, Гипатия?

— Оставь свои вопросы. Лучше подойди ко мне.

Я приблизился и встал перед ней на колени, склонив голову, как перед святыней. Она взяла мою руку в свою. Наши глаза встретились, и я увидел, как мощно колыхнулось в ее зрачках пламя тысяч свечей и как соединилось оно в одну огненную вспышку. И в этот миг я погрузился в состояние неведомого мне транса.

Нет, это не была физическая любовь, какая бывает между мужчиной и женщиной, но неповторимое ощущение трансцендентального единения между Началами. Оставив свою плотную оболочку, мы обрели единство в мире иных измерений, где свет и огонь образовали бескрайний огненный океан. Взявшись за руки и сбросив свои убогие одежды, я и Гипатия вступили в его волны...

Мы были обнажены до самого конца, до прозрений в ядро неумирающей Атмы, облеченные в сияющие покровы духа. Огненная стихия поглотила нас, как один сияющий шар, разделенный когда-то в прошлом на две полярные части...

Глава XII. СОН

Я видел, как она последний раз подает мне руку и просит остаться в библиотеке, как колесница ее вздрогнула и полетела вдоль каменных улиц Александрии.

Мое сердце замерло. Предчувствуя худое, я вскочил на колесницу и полетел за ней вдогонку.

Что же было потом? Серая бесформенная масса христиан уже окружила колесницу моей наставницы, забрасывая камнями синий плащ мудрости и знания.

Я закричал, как раненый зверь, пронзенный стрелой, как олень, попавшийся в сеть, и в этот миг удар камнем лишил меня сознания...

Проснувшись в холодном поту, я нашел ее нежную руку и прижал к своим горячим губам. Я застонал и заплакал, как ребенок, обнимая ее, точно мать. Она окутала меня лаской, утешая и любя.

— Как ты узнала, что мне нехорошо? — шепотом спросил я.

— Менекея сказала мне, что ты кричишь и у тебя горячая голова. Она подумала, что ты болен.

С трудом я мог рассказать Гипатии все, что мне приснилось. Глядя ей в глаза, я прочел в них любовь.

— Успокойся, Полисфен. Я не причиню тебе боли. Мы должны написать больше книг — ты и я. Книги — единственное сокровище на земле. Зачем нам думать о триумфе наших врагов? Будем творить знание и любовь. Творить так же самозабвенно, как творили вчера новую жизнь.

Я поднял на нее удивленный взор.

— Каждая книга — это наш ребенок. Слуга уже отнес золото переписчикам. Скоро весь Северный Египет будет наполнен идеями Единства, и мы превратим наших врагов в друзей.

Глаза ее были наполнены счастьем.

— Что тебе снилось, кроме нападения христиан?

— Не помню... — я сжал руками виски, — кажется, океан... Да, океан огня, и мы вошли в него нагие, как частицы божества, как искры духа...

Глава XIII. ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ НЕБА

Весь вечер я просидел над гороскопом Гипатии, пытаюсь трактовать картину взаимодействия планет. Особенно меня тревожили отрицательные аспекты ее звездной карты, которые четко указывали на мученическую смерть. Сон снова вспыхнул в моем воображении. Я закрыл глаза, а когда открыл их, то увидел перед собой свою наставницу. Она молча взяла папирус, на котором был составлен гороскоп, и поднесла его к свече. На моих глазах бумага превратилась в черных бабочек, разлетевшихся по Святилищу.

Вчерашняя ночь разрушила границы, между нами. Как из свинца родилось золото, так и наши отношения, наконец, переплавились за эти три года: Гипатия, которую я считал недостижимой звездой на небосклоне Северного Египта, осветила мое сердце любовью.

Я снова увидел, как рванулось пламя в ее глазах, как покачнулся треножник, и статуя Зевса рассыпалась в прах. Боги отвернулись от нас, смертных. Боги отдали ее в жертву человечеству. Я понял это как роковую неизбежность, как веление Олимпа, как предзнаменование Неба.

Глава XIV. НЕУГАСИМАЯ ИСТИНА

В предрассветный час мы вышли на террасу ее дома. Легкий ветерок омыл наши лица, и пряные запахи цветов наполнили ароматом воздух. Она диктовала, а я снова писал. Ее губы роняли слова, как роза лепестки, и я едва успевал поднимать их. Мои мысли были с ней и в то же время где-то далеко. Я вспоминал пламя в ее глазах, и покачнувшийся треножник, и Зевса, что рассыпался во прах. Зачем я узнал это предначертание? Отчего заставил ее вчера так страдать, я, глупый невежда и эгоист? Она знала о предстоящих событиях, и я лишь мешал ее сосредоточению...

— Полисфен, — ее голос донесся до меня словно откуда-то издалека, — смотри.

К дому Гипатии подъезжал Пергам, весело махая нам рукой. Через несколько минут слуга провел его к нам.

— Ваши книги расходятся по стране; их читают и язычники, и христиане. Все только и говорят, что об Учении Гипатии! Епископ в ярости, но у нас среди христиан есть уже много последователей. Истина светит, как луч, и ее нельзя угасить. Идемте, славные мужи из разных стран ждут вас на диспуте в Академии. Ну же, Полисфен, неужели ты не рад?

Глава XV. АКАДЕМИЯ

Рядом с Гипатией в колеснице я почувствовал приток сил. И хотя душа моя страдала, все же я снова был счастлив, когда в безудержном порыве за колесницей Пергама мы понеслись мимо рощ Нила, полей и оливковых деревьев.

Гипатия вела коней с уменьем талантливого возницы, и знакомые ландшафты так и мелькали по сторонам. Сочная зелень и синева реки, яркие цветы и листья, небо, сотканное из мягких перистых облаков — все это так не вязалась с жестокостью брэнного мира, в котором брат убивал брата, а истина объявлялась самым страшным злом на земле. Христиане, язычники... Сколько религий, ведущих друг с другом непримиримую войну! К чему эти потоки крови, к чему насилие и убийства?!

Толчок остановившейся колесницы заставил меня очнуться от раздумий. Я спрыгнул на землю и подал Гипатии руку. Мы вошли в здание Академии.

В зале для диспутов царили шум и оживление. Множество знатных граждан из соседних стран хотело увидеть женщину-философа. Достойные мужи сразу окружили ее, и начался очередной диспут. Я и Пергам стояли неподалеку как стражи, оберегая нашу наставницу. Мы понимали, что вместе с известностью Гипатии растет и опасность от ее врагов.

Глава XVI. СВЕЧА И КАМЕНЬ

Весь вечер мы работали над новой книгой. Гипатия торопила меня как никогда, и я все писал и писал, хотя от усталости слипались глаза.

Я уснул во время работы. Гипатия спала рядом на кринии. Мы открыли глаза одновременно: нас разбудил шум, доносящийся снизу.

— Что случилось, Менекея? — спросила дочь Феона у служанки.

— Там пришли христиане, госпожа. Они хотят вас видеть.

— Тогда позови их сюда.

— Но они вооружены.

Мы переглянулись.

— Не беспокойтесь, госпожа, — сказала служанка. — Мы не пустим их в дом, а двери достаточно крепки. Но как же вы поедите в Академию?

— Мы продолжим работу здесь.

Я кивнул.

Гипатия диктовала, я писал. И хотя крики и шум не утихали, ученица Плутарха излагала ход своих мыслей так же спокойно, как и в лектории перед слушателями. В окна полетели камни, но она словно бы не замечала этого, окрыленная светом высшего знания.

— Колдунья! Колдунья! Будь ты проклята... — доносилось из окон.

— Не отвлекайся, Полисфен. Эти люди — иллюзия. Сейчас есть только я и ты. Ты и КНИГА.

Истина универсальна, едина и непреходяща, — торопился записывать я. — Ее нельзя сжечь, сгноить, растерзать, она, как птица, раскрывает свои крылья в полете и летит, пока не становится заметной другим.

— Колдунья, дочь Сатаны! Колдунья! — кричала толпа.

Истина неподкупна, она приходит к нам каждый век, неся новое познание красоты и величия Вселенной.

Камни не переставали лететь в окно, попадая по столу, статуям Богов. Но Жрица Высшего Знания хранила спокойствие и равновесие. Она диктовала, не взирая на крики людей, лавину ненависти и вихри зла.

Истина никогда не умрет вопреки всем нападка и беснованиям невежественных людей, ибо она есть Солнце нашего мира. Истину нельзя убить. Она Бессмертна.

Я дописал последнюю строчку и опустился перед Гипатией на колени. Я обнял ее ноги и поцеловал их. Но она словно не замечала меня. Ее глаза смотрели куда-то в глубь своей души, они были невидящи. Такой я ее еще не знал. Взяв Гипатию на руки, я унес ее в зал домашнего Святилища, где по-прежнему горели неугасимые лампы и курились благовония и фимиамы.

Глава XVI. СВАТИЛИЩЕ

Она лежала с закрытыми глазами, словно мертвая. Я присел у треножника Гермеса и начал молиться, устремив нить сердца к небу, к Богам, к Солнечной Иерархии, которую я чтит как единственную Святыню. Тихо пел хор, играла музыка. Но откуда доносились эти песнопения, мне трудно сказать — из глубин ли моей души или оттуда, из высоких сфер, где обитало Богочеловечество.

Когда Гипатия очнулась, христиане уже ушли. Глубокая тишина стояла в зале. Я посмотрел в ее глаза, как в зеркало того огненного океана, куда мы вошли нагими и откуда снова возвратились в этот мир. Огненная материя, словно цветок, опять пробуждалась в этих глазах и звала меня, звала слиться с океаном творческой мощи. Аتما отозвалась в моем сердце новой до этого неведомой мне вибрацией — словно толчок, потом снова толчок. И твердая скала прапамяти пошатнулась от сотрясения и.... оплыла, осела на асбестовый сгусток подсознания, опалила и расплавил его первичную субстанцию огнем волны моих вен, которые уже мчали атомы первоматерии к берегам другого мира...

Был ли я жив или уже умер в экстазе единения? Свернулся ли в первичный атом или развернулся до бесконечности Вселенной? Казалось, я вмещал в себя все эти состояния, как зеркало мира вмещает матрицу мироздания.

Глава XVIII. MOMENTUM MORE

Словно перед ликом смерти держались мы за руки, пытаюсь навсегда запечатлеть лица друг друга: я и она, она и я — два творческих Начала и в то же время — Учитель и ученик. В этот миг признание, золотое, как осенний лист, и жгучее, как горячий ветер пустыни, сорвалось с моих уст и пеплом обожженной листвы упало на ее ветвь, на которой я был словно распутившаяся весенняя почка. Она же была деревом, корнями и соком. Она питала эту маленькую почку изнутри, чтобы та раскрылась белым ароматным бутоном, готовая предоставить себя опылению пчел, ползанию муравьев и любованию ребенка.

Наконец губы ее расцвели в теплой улыбке:

— Мне бы хотелось на время забыть обо всем, но это невозможно... Пора ехать в Академию.

— Прошу тебя, давай останемся дома, — сказал я, умоляюще глядя на нее. — Тебе грозит опасность. Пощади себя.

— Христиане ушли, а я не привыкла терзаться сомнением. Вся наша сила в мужестве и самопожертвовании. Идем, Полисфен, ведь нашу судьбу мы не можем изменить, но лишь преодолеть силой духа...

И снова копыта лошадей застучали по дороге, понеслась, вздрогнув, колесница, унося нас прочь от оливковых деревьев и синих рощ, от пенья птиц и трепетания бабочек на цветах. Только теперь я снова мог ощущать всю красоту мироздания, словно в последний миг своей жизни. И я чувствовал эту земную красоту так остро, что едва не потерял сознание. Удивительные руки Гипатии, держащие вожжи и грациозно правящие лошадьми, волевой взгляд и лицо, как у Пифии, взволновали мою душу, и мне показалось, что сама Богиня Знания возносит меня в огненной колеснице на Бессмертный Олимп.

Сильный сердечный порыв заставил мои губы дрогнуть, и из глубин пылающего сердца вырвалось:

— Я буду любить тебя всегда, как Истину, как Мать, как Надежду.

Глава XIX. ДОМИЦИАН

После занятий в Академии к нам подошел человек в темном плаще и сказал:

— Я пришел к тебе, Гипатия, чтобы передать волю моих братьев, христиан. Они требуют, чтобы ты прекратила распространять по Египту свои еретические книги. В противном случае ты будешь жестоко наказана.

Моя наставница не шелохнулась. Лицо ее было спокойным и безмятежным. Голосом твердым и уверенным она произнесла:

— Я не боюсь угроз. И буду распространять Истину до последнего удара своего сердца. Такова воля Неба.

Христианин побледнел.

— Я шел к тебе как к врагу своей веры, но встретив такое мужество, хочу предупредить. Мне жаль, если твое красивое лицо и ум превратятся в пепел. Зачем ты обрекаешь себя на смерть, Гипатия?

— Я буду мертва, если сложу оружие познания, но пока я творю, я жива. Не познавать, не открывать истину другим — это смерть, ведь в мире столько невежества, заблуждения и горя! Кто рассеет этот мрак? Кто, кроме нас? Помоги нам, брат... Я чувствую, что твое сердце еще живо.

Ее глаза излучали такую мощную энергию и свет, что я, стоявший рядом с ней, был ошеломлен. Христианин не двигался, но в глубине его души, и я это видел в зеркалах его глаз, происходило какое-то перерождение — словно в смесь химической реторты добавили новое вещество, чтобы этот состав приобрел иное качество.

— Скажи мне, как твое имя? — спросила у него ученица Плутарха.

И молодой человек ответил:

— Меня зовут Домициан.

— Пойдем в Академию, Домициан, я покажу тебе нашу библиотеку.

Втроем поднялись мы по лестнице и вошли в огромный зал, где на стеллажах, стоящих полукругом, поднимались до самого потолка книги.

— Видишь, Домициан, сколько знаний сокрыто в этих чертогах, — сказала Гипатия. — Полисфен, принеси нам книгу о Единстве Религий.

Кивнув, я удалился, а когда пришел со свитком, то увидел, что христианин живо беседует с моей наставницей. Так мы приобрели еще одного друга.

Прощаясь, дочь Феона пожала христианину руку.

— Надеюсь, ты все понял, — сказала она, протягивая книгу о Единстве Религий.

Домициан кивнул:

— Я буду читать ее своим братьям. Я скажу им то, что сегодня услышал от тебя, но береги себя, женщина-философ. Среди христиан есть много фанатиков. Особенно страшен Петр Читатель из Нитрийской пустыни и его братья. Не ездь одна на колеснице, прошу тебя.

Глава XX. ЗВЕЗДНЫЕ РУНЫ

Поздно вечером, после алхимических занятий и работы над книгой, мы вышли в сад. Розы окружили нас, словно нимфы, источая тонкий аромат.

Гипатия задумчиво посмотрела на звезды.

— Я видела дурной сон. Горела, обжигаясь языками пламени, Александрийская библиотека... Все лучшие книги, обогранные черным огнем, вздыхали и рассыпались на ветру, улетали черными птицами по ту сторону Леты... Все знания, весь цвет науки, все было уничтожено рукою невежд. Господи, как это страшно, Полисфен. Ужас увиденного до сих пор стоит перед моими глазами...

Я так обеспокоена тем, что происходит в мире. Язычники, христиане, зороастрийцы — люди словно и существуют для того, чтобы мучить и терзать друг друга. Кровава настоящая Эпоха Рыб, ведь Марс окрашивает землю вредным для нее химизмом агрессий, который несет войны, порабощение и ущемление женщины. Еще долго продлится это время, но потом наступит Эра Водолея, и тогда луч Венеры — луч Любви и Красоты — будет спасением для многих...

Гипатия умолкла, но взгляд ее еще долго был прикован к звездным рунам, в которых она пыталась разглядеть формулу нового времени.

— Как долго нам ждать, Гипатия? — спросил я.

И она ответила:

— Много-много жизней, в которых мы будем умирать и возрождаться, подобно Сфинксу.

Глава XXI. МЕСТЬ ХРИСТИАН

Разъяренный непобедимой силой Гипатии, епископ Кирилл прислал к ней своих прелатов.

— Ты обвиняешься в том, что переманиваешь наших братьев на свою сторону, — объявил прелат. — Никто из дискутировавших с тобой не вернулся в лоно родной Церкви. Ты обладаешь колдовской силой, и будешь судима христианской церковью.

— Ваша церковь не имеет силы надо мною, ибо я — язычница, — улыбаясь, сказала дочь математика Феона, — что же касается моих новых друзей, то по своей воле они сделали выбор.

Оставшись в зале библиотеки, я углубился в чтение книг, ожидая прихода своей наставницы. Шло время, мои глаза то и дело уходили от строк, а мысли постоянно возвращались к словам посланников епископа. Почему Гипатия сегодня оставила меня здесь, а не взяла на лекцию? С какой-то смутной грустью посмотрел я на сапфировый камень своего кольца и вдруг увидел, что оно, изменив цвет, вспыхнуло сначала оранжевым, а затем красным светом. Несомненно, это был знак опасности.

Закрыв книгу, я спустился в зал, где ученая читала лекции, но там никого не было. Выйдя на улицу, я не обнаружил ее колесницы и, едва сдерживая внутреннее волнение, побежал по улице. Пересекая площадь, встретил Домициана, который сообщил, что только что видел Гипатию, проезжающую по направлению к своему дому. Понимая, что это значит, я тут же вскочил в свободную колесницу и понесся за ней. Сон снова обжег меня — все сбывалось.

Мое сердце замерло, когда в конце улицы я увидел серую бесформенную массу христиан, что окружила колесницу моей наставницы, забрасывая камнями ее синий плащ мудрости и знания.

Я закричал, как раненый зверь, пронзенный стрелой навывлет, как олень, попавшийся в сеть, и в этот миг удар камнем лишил меня сознания...

Глава XXII. ПИСЬМО

Когда я очнулся, было уже темно. Я лежал на мостовой, оглушенный ударом, постепенно вспоминая, что же со мной произошло. И тут догадка о случившемся повергла меня в ужас. Вскочив на ноги, я побежал по спящим улицам города.

Дом Гипатии был пуст. Я никого не нашел в нем, хотя в домашнем Святилище так же спокойно горели неугасимые лампы и курились фимиамы. Однако жертвенный треножник был опрокинут, а статуя Гермеса смотрела на меня печально-сурово. Я поднялся на террасу и позвал Гипатию. Так же светили звезды, но никто не ответил мне в этой тишине.

В химической лаборатории по-прежнему стояли реторты и тигель еще сверкал частицами оставшегося золота, как последними отблесками дара огненных саламандр. И тут на моем рабочем столе я увидел письмо, подписанное ее почерком.

Полисфену, моему доброму ученику, помощнику и другу от той, которая любила его всем сердцем.

Я сломал печать, и горячие слезы потекли по моим щекам, когда я увидел ее ровный, полный красоты и грации почерк.

"Мой дорогой друг! — читал я строки, которые расплывались у меня перед глазами. — Конечно же я знала все то, что уже осуществилось во времени и пространстве. Гороскоп показал мне и точную дату моей трагической смерти, и то, что последует за ней. Таков закон Жертвы, Полисфен, без которого не может быть эволюционного продвижения того или иного народа.

Я оставила тебя в библиотеке, чтобы ты жил. Меня больше нет в мире смертных, но душа моя здесь, с тобой, в этот миг, когда ты читаешь это письмо. Я любила тебя всем сердцем и также буду любить при наших новых встречах в материи тонкой и земной.

Прошу тебя, не принимай мою утрату как кинжал в сердце — оно еще должно послужить людям. А пока продолжай нашу работу: пиши об Истине, Красоте, Знании, пиши до тех пор, пока, будет горяча твоя кровь.

В Святилище ты найдешь мою главную рукопись. Перепиши ее и отдай копию переписчикам.

Духом с тобой. Пусть будет светел твой разум".

Склонившись над свечой, я поцеловал письмо и ощутил, что словно бы касаюсь губами ее руки. Я все еще не мог осознать, что это конец. Мне надо было найти ее тело и отдать ему последние почести.

Глава XXIII. КИНДРОН

От Пергама, который поседел за одну ночь, я узнал все подробности трагической гибели Гипатии. Ненависть епископа Кирилла была столь велика, что передалась самым фанатичным сторонникам его веры, в частности группе монахов из Нитрийской пустыни. Ведомые Петром Читателем, буйным и необразованным человеком, они набросились на Гипатию на улице, на дороге из Академии к дому. Умертвив ее камнями, они раковинами содрали с нее кожу и плоть с костей и отнесли изувеченные останки к месту, называемому Киндрон, где сожгли их дотла. Так погибла в 415 году от Рождества Христова величайшая женщина из посвященных древнего мира.

Сердце мое изнывало, как белая птица, закрытая в клетке моего тела, когда вместе с Пергамом и Домицианом мы подошли к Киндрону. Я даже не смог попрощаться с ней — тело Гипатии превратилось в небольшую кучку пепла. Нагнувшись, Домициан взял в руку легкую горсть ее праха, и прошептал:

— О, Боги! Неужели это она — самая прекрасная женщина Александрии?! Неужели это все, что осталось от нее?!

Я присел возле обгоревших останков Гипатии, и горячие слезы застелили передо мной весь мир. Закрыв ладонями лицо, я едва сдерживал рвущийся из глубин души крик. Я звал ее. Я умирал и возрождался. Я испытывал все муки и все страдания тысячей жизней. Я сам превратился в смерть. Гипатия. Мой Учитель. Моя вечная Любовь, с уходом которой померкла вся красота на земле. Мир рухнул, взорвался, сторел, и умерло в нем все — от солнца до травы, пахнувшей медом, которую вчера целовали ее губы. Я взял серый порошок пепла в свою ладонь и думал: и это она? И это славная дочь математика Феона, ученица самого волшебника Плутарха, которую боготворили граждане Александрии и отцы города, которую почитали славные мужи из разных стран мира, а ученые склоняли головы перед ее одаренностью и интеллектом?

Страдание переполнило меня, как яд чашу, и кровь в моих венах сделалась холодной, как лед, а снежный мрамор пустоты сковал сердце, что превратилось в камень. Пламя жизни оставило меня. Мне показалось, я умер вместе с ней. И в этот момент подул ветер, и невесть откуда взявшийся кусок ткани ее синего плаща накрыл мою голову. Это была ее ласка и ее любовь. И я понял: Гипатия здесь, рядом. Ее душа отзывается на боль моей души, а ее боль вливается в мою душу. Как и при жизни, единство снова жило в нас. Я сжал этот синий лоскуток в своей горячей ладони, все еще не веря, что больше не увижу ее...

Глава XXIV. КЛЯТВА

Слезы текли по моим щекам. Но это были слезы любви, а не ненависти к ее убийцам. Я плакал от того, что любил, любил еще сильнее, глубже, напряженнее. Я готов был работать с ней еще яростнее, самоотверженнее, еще преданнее, переплавляя каждую ночь в лаборатории наших душ свинец в золото. Но этого моего желания было так мало. Что мог я сделать без нее?

И вдруг чей-то незнакомый голос спросил меня:

— Что можешь ты сделать для нее?!

Я обернулся, но никого не увидел.

Весь день я провел у Киндрона. Я понимал, что должен остановить свои переживания во имя покоя моей наставницы, во имя ее души, которая замерла где-то между двумя мирами, скорбно взирая на свитки кровавой трагической расправы.

Вечер постепенно перешел в ночь, а мы с Пергамом и Домицианом все еще сидели возле ее праха, читая Торжественные Гимны о вознесении ее души к бессмертному Олимпу. И словно ожившие в Молитве, наши сердца соединились в одну великую огненную вспышку, разливая свет вокруг Киндрона.

Первым заговорил Домициан:

— Друзья, братья! Здесь, на этом месте, мы должны поклясться, что никогда не оставим дела Гипатии, ученицы Плутарха и достойной дочери Александрии, и продолжим его как ученики нашей любимой наставницы.

Пергам кивнул и протянул ему руку, на которую я положил свою горячую ладонь.

— Клянемся Богами и Зевсом Громовержцем, — произнесли мы вместе, — что если не донесем ее Знание до сердец, если струсим, предадим и отступим, пусть сам Владыка Олимпа поразит молнией наши смертные тела. Клянемся, что будем служить Истине сейчас и во всех воплощениях на всех планах бытия. Да будет Свет!

Прощаясь с дочерью Феона, я взял легкий пепел, и, прижав к губам, тут же ощутил ответное горячее прикосновение к своему сердцу. Она — в блеске неземных лучей снова стояла передо мной, указывая рукой на небеса. И там, в темной синеве расступившихся облаков, я увидел алмазное скопление плеяд, которое украшала самая яркая звезда на небосклоне. Ее луч вдруг коснулся моего сердца, и я с трепетом и волнением, ощутил ту великую силу, которая, не умирая в веках, будет проливать на землян чудесные дары красоты, учености и героизма.

Глава XXV. НЕУМИРАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Вернувшись в дом Гипатии, который вот уже несколько лет был моим прибежищем — Храмом, Школой и Мастерской, я вошел в Святилище и остановился возле изваяния Гермеса. Отворив потайную дверцу, я извлек из статуи последнюю рукопись моей наставницы. Свет лампы осветил начертания ее ровного красивого почерка, и я прочел название книги: «Истина, которая не умирает».

Углубившись в чтение, я с радостью поймал себя на мысли, что опять ощущаю ее присутствие. И когда палочка снова коснулась тонкого папируса, чтобы переписать ее манускрипт, я увидел Гипатию, стоящую рядом и словно бы диктующую мне, как в былые светлые времена.

Так, работая всю ночь, я писал, писал то, во что она верила, чем жила и что хотела донести до сердец. Теперь я был ее рукой, ее инструментом видения мира, ее единственной связью с Северным Египтом и Александрийской Академией. Нет, фанатики не заставят ее голос умолкнуть, даже после ее смерти, ибо пока я жив, будет жива и она, диктуя мне свои новые книги и проводя со мной сложные алхимические опыты. Теперь, я это твердо знал, мы были как одно единое целое, ибо она жила во мне, а я — в ней. И сквозь канву земных иллюзий, сквозь стенания и проклятия толпы, сквозь дальний шум мирского прибоя, я опять ощущал ее спокойный мягкий голос.

— Приветствую вас, собравшиеся ради любви к Музе Знания! Пусть Истина осветит наши сердца. И если мы, жаждущие справедливости, пойдем сегодня больше, чем вчера, значит этот день не прошел для нас даром. Конечная цель всякого диспута есть нахождение верных путей. Потому начнем наш сегодняшний разговор в мирном тоне без перебранок вчерашнего дня...

Этими словами я начал диспут в Александрийской Академии. И в то время, как я говорил, новая книга Гипатии уже распространялась по всему Северному Египту, проникая за моря и океаны, в другие земли и города.

Она переписывалась на многих языках, и каждый народ мог найти в ней истину, близкую ему. Так, завоеывая пространство Земли и Космоса, распространялось неумирающее вечное знание — знание о Духе, Материи и Неисчислимых Мирах, которые наполняют Вселенную, как атомы одного единого организма.

Из темноты и заблуждения веков Женщина-философ снова протягивала нить любви к людям, и ее синий плащ мудрости покрывал землю от вихрей и гроз невежества и слепоты. Подобно факелу, сиял светильник ее сердца, которое снова билось, жило и любило...

Татьяна Ушакова